

В болезни и в здравии

Путеводная Нить

Торжество было запланировано на двенадцать часов дня, вести церемонию должен испанский епископ Филипп де ла Асенсьон, приехавший в Японию лет десять назад и занимающийся помимо основной деятельности образовательными программами и работой с молодёжью.

Сёстры и братья прихода с раннего утра занимались подготовкой храма к торжественной церемонии. В проходе между скамьями лежала красная ковровая дорожка, на скамьях были закреплены белые ленты с белыми цветами. Алтарь тоже был украшен цветами. У ног небольшой статуи Девы Марии лежали цветы. Всё это создавало торжественную и очень красивую атмосферу, и вскоре начали появляться первые гости. Всего гостей было немного, и каждый гость занимал ровно то место, которое было указано в приглашении, которое достаточно долго составляли молодые брачующиеся, советуясь со священником. В обычных ситуациях всем занимается шафер, но здесь была совершенно иная история, интересная и даже милая, и очень необычная, поэтому Церковь в лице епископа Филиппа делала небольшие поблажки. Хотя небольшими они были ровно до того момента, как епископ узнал о том, что главный свидетель церемонии является приверженцем другой религии.

Католическая церковь Японии находилась под покровительством Римско-католической церкви и перенимала все имеющиеся у них законы, разрешая лишь небольшие погрешности вроде убранства собора. Один из самых главных соборов был разрушен во время Второй Мировой Войны, а на месте его японский архитектор в сопровождении немецкого коллеги построили новый собор, который по стилю сильно отличался от большинства соборов. Об этом напоминает памятная дощечка, прикрепленная к фасадной стене. Внутреннее убранство достаточно простое, как у протестантских церквей, однако от тех данную церковь отличает огромное резное распятие. А все остальное здесь такое же, как и везде: витражные окна, огромный орган и удивительная акустика.

Епископ Филипп, узнав, кого молодые пригласили в качестве главного свидетеля, был крайне недоволен. В очень редких случаях Церковь могла пойти на уступки. Но не в этом. По хорошему, надо было получить благословение Папы, но это делать надо было заблаговременно, за несколько месяцев. Поэтому епископ ответил категоричным отказом. Главным свидетелем стал дядя невесты, который не являлся свидетелем со стороны мужа. На это Церковь в лице Филиппа могла закрыть глаза. К тому же разговор с брачующимися показал повидавшему многое епископу, что здесь имеет место настоящая любовь - искренняя и чистая. Поэтому Филипп де ла Асенсьон сидел в ризнице и готовился к проведению одного из самых красивых и значительных обрядов в его вере. Разумеется, после Рождества и Пасхи.

Погода стояла прекрасная, не очень жаркая, солнечная. Гости постепенно прибывали, и теперь все внимание гостей было приковано к двери, в которую через каких-то несколько минут войдут сначала жених в сопровождении своей матери, а потом наступит самый красивый и волнительный момент - проход невесты...

Путеводная Нить

Рикардо Агирре впервые приехал в Японию вечером накануне свадебной церемонии, куда был приглашен своей любимой племянницей. Он хотел просто спокойно посидеть на скамье и послушать, как церемония проходит в Японии, ведь католики в этой стране появились благодаря испанским миссионерам. Но его почти сразу озадачили тем, что Яреци как всегда что-то напутала и на церемонию католического бракосочетания пригласила не только некрещёных подруг, что, в принципе, не было запрещено, но и главным свидетелем этого торжества сделала человека другой религии. Вот это было недопустимо. И Рикардо, вместо того, чтобы отдохнуть от перелета и проблем, которые были вызваны им, вынужден был ехать в этот храм и договариваться со священником. В результате он снова стал главным свидетелем.

В католичестве роль главного свидетеля очень важна и ценна. Мало того, что он занимается всякой организационной частью, так еще и подает кольца. Рикардо не знал, как делают православные христиане, да и не очень хотел это знать.

Если бы кто-то знал, как ему не хотелось второй раз становиться главным свидетелем... Но сейчас у него не было другого выхода, потому что нужно было спасти положение. И просьба Морриса сыграла в этом важную роль.

Сейчас Рикардо стоял у алтаря, с правой его стороны, убрав руки за спину, повернувшись лицом к гостям и следя за тем, чтобы все расселись по заранее распределенным местам. Трудно было сказать по лицу этого человека, которому лет пять назад перевалило за шестьдесят, что он думает об этом. Его холодный пронизательный взгляд скользил по людям...

Путеводная Нить

После просьбы Яреци стать свидетелем на свадьбе Шотаро какое-то время думал, что Тору не согласится, и он просто сможет занять свое место среди гостей, но брат, похоже, был готов во всем слушать свою жену и даже терпеть его рядом с собой на столь важном мероприятии. Они даже умудрились неплохо поговорить, обсуждая всевозможные нюансы, из чего Шо сделал вывод, что его младший брат не настолько ужасен в общении, как ему казалось раньше.

К его удовольствию, роль главного свидетеля в последний момент досталась дяде невесты, поэтому он мог просто стоять и притворяться предметом обстановки, со своего места разглядывая гостей, основную массу из которых составляли его же родственники. Семья Рюхей расположилась по правую сторону от прохода, в то время как его собственная - по левую. Причем в последней нарисовалось пополнение - поскольку невеста не могла идти к алтарю с маленьким ребенком на руках, Кимико еще утром забрала Мизуки, как одна из самых опытных в их семье в вопросе воспитания детей. И, конечно, это удивительная женщина, каким-то чудом ставшая его женой, практически сразу нашла с племянницей общий язык. И поскольку все происходящее на данный момент вполне можно было назвать семейной идиллией, оставалось только расслабиться и ждать появления Тору и матери, которое планировалось уже в ближайшие минуты.

Тору Мотидзуки

Когда Тору делал предложение своей любимой женщине, он и представить себе не мог насколько трудно организовать церемонию, согласно всем католическим правилам в кратчайшие сроки. Но большое количество полезных знакомств у его семьи открывало перед ним множество вариантов, а искреннее желание Яреци устроить идеальную свадьбу заставляло суетиться и заниматься такими вещами, о которых он раньше не мог и помыслить: украшения, рассадка гостей, разговоры со священником и еще много всяких вопросов, требующих его внимания. И, под конец, все это безобразие закончилось изгнанием его из уютного номера накануне свадьбы, поскольку жених и невеста, а в их случае уже давно муж и жена, должны были провести эту ночь раздельно.

В итоге, Тору, впервые за долгое время ночевал в своей старой комнате в родительском доме, и, на удивление, спал крепко и без каких-либо запоминающихся снов, поэтому с утра, хоть и немного нервничал, выглядел достаточно свежо и, для своих лет, молодо. А надев костюм, который выбирал с особой тщательностью и вовсе не узнал себя в зеркале. Конечно, на работу он часто надевал костюмы, но, вероятно, в свадебном одеянии была какая-то особая магия, превращающая обычного мужчину в человека, на которого все непроизвольно начинали обращать внимание.

Согласно указаниям Яреци, они с матерью появились немного позже остальных гостей. Когда он помогал той выйти из машины, Тору очень явно почувствовал, что возраст постепенно начинает брать свое, но стоило только ногой Мотидзуки Чиеко ступить на красную ковровую дорожку, как ее осанка тут же изменилась, обретая привычную прямооту, а необходимость поддерживать ее под руку стала чем-то вроде красивого ритуала.

Медленно пройдя по проходу, позволяя гостям оценить всю торжественность момента, Тору поцеловал ладонь матери, усадил ее на законное место на первом ряду и занял свое, где и должен был ожидать появления невесты. Он даже и не думал, что минуты ожидания заставят его волноваться, как мальчишку, но чем дольше он стоял, предвкушая появление Яреци, тем быстрее начинало биться его сердце, которое, благодаря помощи присутствующих здесь людей, не остановилось в горах Тибета и теперь могло изнывать от нетерпения скорее увидеть любимую женщину, чтобы пообещать перед родными, друзьями и ее богом прожить с ней всю оставшуюся жизнь.

Путеводная Нить

Здесь не было одного человека, о котором он предпочитал ничего не знать. Он знал, что племянница, добрейший души человек, пригласила Маркуса на свадьбу, но тот отказался ехать. Это было хорошо, потому что Рикардо совершенно не хотел заниматься разборками с этим мальчишкой, который теперь являлся его сыном только по бумагам. Он не хотел о нем ничего слышать и видеть его тоже не хотел. Не в такой день.

Рядов было немного, по пять скамеек с каждой стороны прохода, каждая скамейка вмещает пять людей. Прихожан, которые пришли просто посмотреть на торжество, было немного, и его внимание было отдано находящемуся рядом с ним человеку,

который должен был быть шафером. Тот изображал из себя предмет интерьера, и синьор Агирре лишь усмехнулся. Как бы он хотел сейчас оказаться тоже предметом интерьера, а лучше вообще сесть на скамью и быть простым приглашённым.

Его внимание привлекла женщина среднего возраста, которая заняла место по левую сторону от прохода, на втором ряду. Её сопровождали два молодых человека, один из которых был удивительным образом похож на второго свидетеля, а на руках удобно расположилась маленькая девочка. Рикардо хмыкнул, решив потом высказать племяннице всё, что думает по поводу того, что она за полгода жизни ребёнка ни разу не выслала своему любимому дяде даже крохотную фотографию малышки. А потом взгляд заскользил по другим родственникам жениха, которых оказалось очень много. Он искренне посочувствовал своему зятю, Моррису, потому что тому придётся хотя бы выучить, как они различаются. До начала торжественной церемонии оставалось немного времени, и вскоре его внимание привлекли появление в дверях жениха, который сопровождал свою мать. Рикардо невольно задержал на этой женщине взгляд, а потом снова окинул взглядом присутствующих. Когда Тору в сопровождении матери подошёл к алтарю, Рикардо коротко и вежливо кивнул женщине, а потом посмотрел на мужчину. Оставалось совсем немного времени до, наверное, самого торжественного момента на этой свадьбе - появления невесты в сопровождении отца.

Яреци Фернандез

Последняя ночь прошла тяжело, в каких-то странных снах, кошмарах, особенно в тех, где стреляли в её любимого. Она в очередной раз проснулась и уже не смогла заснуть. Она понимала, что нужно успокоиться, что в этот торжественный и радостный день нужно выглядеть очень хорошо, может даже лучше. Но было страшно.

Она посмотрела на платье, которое вчера вечером доставили из салона. Тору к этому времени уже ушёл, ведь жениху нельзя видеть невесту в свадебном платье до церемонии. Это считается плохим знаком, и хоть девушка не верила в судьбу, лучше не играть с этим.

Когда она полностью была готова, она позвала папу, который ожидал её в коридоре. Смущённо опустила глаза и сглотнула.

- Папа, я, наверное, готова, - тихо сказала она.

Моррис Фернандез

После отъезда детей в Японию Моррис Фернандез ощутил какую-то странную тоску. Он знал, зачем они туда едут, он попросил своего шурина посодействовать с проведением церемонии, он готовился любимую дочь сопроводить к алтарю, чтобы передать её в руки любимого мужчины. И почему-то было тоскливо и одиноко. Он вдруг резко почувствовал свой возраст, но взял себя в руки. Дождался Рикардо и приехал в Токио. Их встретили, разместили в отеле. В том же, где и остановилась Яри.

Он терпеливо стоял в коридоре перед номером, где его дочка облачалась в свадебное платье, чтобы в этом одеянии отправиться на самое красивое и,

безусловно, значимое событие своей жизни. И он был сильно благодарен Рикардо, который помог всё это организовать. Без его помощи ничего бы этого не было.

Когда Яреци его позвала, он открыл дверь и вошёл в комнату. Дочь в свадебном платье выглядела потрясающе. Платье ей очень шло, а диадема с кристаллами Сваровски, на которую крепилась фата, пока закинутая назад, придавало его любимой девочке образ принцессы. Она и была принцессой. Маленькой, доброй и самой любимой. Моррис собрался и подошёл к дочери поближе и подставил левую руку, чтобы она опиралась о неё. На её слова он ничего не ответил, а только свободной ладонью осторожно дотронулся до почему-то холодных пальцев дочки.

Они спустились вниз, где их уже ждала машина. Он помог сесть дочери, а следом забрался сам. Машина тронулась, и он приобнял дочку за плечи, чтобы придать ей уверенность. Через несколько минут они приехали к храму, Моррис помог выйти дочери и взял ей под руку. Кивнул и уверенно поднялся по ступенькам.

Яреци Фернандез

Массивные дубовые двери храма открылись со скрипом, и девушка вздрогнула. Но, встретившись с отцом взглядом, сглотнула и опустила голову. Отец направился по проходу, и она, придерживая левой рукой юбку платья, которая показалась ей слишком длинной, пышной и вообще какой-то неправильной, тихо шла по красной дорожке к своему любимому.

Она осторожно и тихо, будто была не человеком, а пушинкой, ступала по ковру, немного испуганно, но не менее счастливо глядя на собравшихся посетителей. Тех, кто разместился на последних рядах, она видела впервые в жизни, они были простыми людьми, которые просто пришли посмотреть на торжество, но её это не смущало. Присутствие посторонних почему-то придавало этому торжеству сказочность и необычайность. Поравнявшись с Мизуки, которая держала на руках малышку, которая тоже с интересом наблюдала за всем происходящим, она слабо улыбнулась и вернула своё внимание любимому Тору, который стоял у алтаря и ждал её появления.

Сердце трепетало, и она слабо улыбнулась, подойдя к алтарю. Бросила случайный взгляд на среднего брата Тору, и едва заметно кивнула ему, слабо вздрогнув и испугавшись чего-то. А потом увидела своего дядю, который пару дней назад ругал ее, что она как всегда что-то напутала. Он казался недовольным, но он был рад за нее.

Как только они с папой зашли в церковь, заиграла свадебная музыка, которую создавали на органе. Этот музыкальный и очень необычный музыкальный инструмент ей очень нравился, он создавал необычную атмосферу. Звуки разбивались о потолок храма и маленькими капельками опускался на людей.

Моррис Фернандез

Каждый шаг Морриса отдавался приятными воспоминаниями, касающимися его любимой малышки. Её первая улыбка, самая искренняя и очаровательная. Первые шаги, упрямые и уверенные. Она не плакала, когда у неё не получалось ходить. Первый поход в садик, потом в школу. Первая двойка. По поведению. Вызов его в

школу. Слезы Яри, когда он вошёл в её комнату, а потом её искренняя и радостная улыбка, когда он не стал её наказывать. Первая его встреча с этим японцем, когда его малышка сказала, что никогда не оставит Тору и, если надо, то уйдёт.

До алтаря осталось совсем немного, а воспоминания калейдоскопом проносились в его сознании. Почему-то усталость и возраст навалились на него, и он почувствовал боль повреждённой ногой. Никто не знает, каких трудов ему стоило сохранить свои эмоции и улыбаться. Он посмотрел на Тору, который уже стоял у алтаря и с нетерпением ждал, когда маленькая изящная ладошка Яреци окажется в его руке. Думая, что уже пора, мужчина остановился, посмотрел на дочку и осторожно обнял её правую ладонь двумя руками. Повернулся к Тору, одной рукой взял его левую ладонь и соединил с ладошкой невесты. Потом оступил на шаг, склонил голову в знак почтения.

- Береги её, сынок, - тихо сказал он, глядя на них. Потом посмотрел на мать Тору, уважительно ей поклонился и сел на скамью с левой стороны от прохода. Подмигнул дочери и её мужу. На этом его роль закончилась, и он мог спокойно посидеть и расслабиться.

Тору Мотидзуки

Сколько бы он ни представлял себе появление невесты под руку с отцом, его фантазии не шли ни в какое сравнение с реальностью. Он привык к своей милой и домашней Яреци, заботящейся о малышке Кимико, сейчас удобно расположившейся на руках у Мизуки, поэтому не сразу узнал ее в неземном создании, плывущем к нему по красной ковровой дорожке. И только благодаря сопровождающему девушку Моррису, Тору уверился в том, что это действительно его жена, пусть пока еще только и по человеческим законам.

Чем ближе подходила к нему Яреци, тем сильнее уголки его губ стремились разъехаться в стороны, и, не пытаясь им сопротивляться, Тору позволил себе сверкать улыбкой при большом скоплении народа, чего не делал уже очень давно. Но этот день был для него особенным во всех смыслах, поэтому он ничуть не заботился о каких-то нестыковках со своим обычным образом, выкинув из головы все, что не касалось приближающейся к нему девушки.

Наконец, проход закончился, и Моррис вложил маленькую ручку Яреци в его. Тору поблагодарил тестя кивком и, когда тот занял свое место, убрал фату с лица девушки, чтобы никакая, даже практически прозрачная ткань, не прятала от него нежные черты ее лица. Когда лицо Яри оказалось от него совсем близко, Тору непроизвольно наклонился, желая ее поцеловать, чем вызвал смехи среди гостей, но быстро взял себя в руки и с абсолютно серьезным выражением лица, словно это не он сейчас пытался совершить досрочное «нападение» на невесту, повернулся к священнику. Оставалось совсем немного времени, прежде чем им будет позволено скрепить их союз поцелуем, и он, как взрослый человек мог и потерпеть, хотя отсутствие традиции встречать появление невесты каким-либо проявлением чувств Тору считал серьезным упущением.

Маргарита Эрнандес

Поскольку они числились в подружках, а не в невестах, им с Дарисией,

теоретически, не было смысла тратить так же много времени на сборы, как Яреци. Но по факту, Маргарита сто раз успела все проклясть, пока делала прическу и макияж и облачалась в заранее подготовленное платье. То тени ложились не так, как надо и давали не тот оттенок, что хотелось, то непослушные рыжие пряди вываливались из прически, а то платье, в силу каких-то неведомых причин, норовило сесть на нее не так, как в салоне. Но, к счастью, после долгих мучений, собственный внешний вид начал удовлетворять ее настолько, что она посчитала себя достойной стоять со стороны невесты, с которой, если разбираться, общалась намного меньше, чем с женихом. Но вариант «подружка жениха» звучал бы провокационно, поэтому Рита легко согласилась с отведенной ей ролью.

Ожидать появления невесты, пусть они с Дарсией уже и видели ее наряд, было волнительно. И, если даже она прониклась атмосферой ожидания, то трудно было представить, что чувствовал Тору, который сейчас больше походил на нервничающего перед свиданием школьника, а не на сурового мастера боевых искусств, которым он обычно старался себя показывать. Но вот двери открылись, и в храм вошла Яреци в сопровождении отца, немедленно приковав к себе все взгляды. А посмотреть было на что. Платье, которое они помогали выбирать, действительно оказалось Тем Самым, превратив девушку в настоящую принцессу. И, конечно, ее чрезмерно активный супруг, лучше чем кто бы то другой продемонстрировал свое восхищение, одновременно с этим объяснив своим поведением всем присутствующим, почему Кимико родилась намного раньше, чем ее родители могли планировать.

Глядя на эту своеобразную, но кажущуюся, на удивление, гармоничной пару, Маргарита почувствовала болезненный укол в области сердца. Она всегда их поддерживала, хоть и не отказывала себе в удовольствии, отпускать беззлобные шутки на тему любви Тору юным девам. Но до конца так и не верила в возможность подобного союза, сама некогда приняв в подобной ситуации правильное и разумное решение, столь отличное от того, что сделала эмоциональная Яреци. И только сейчас, видя непостижимое счастье друзей, Рита, конечно, искренне радуясь за них, ощутила себя далеко не такой умной и уж точно не такой везучей, как ей всегда казалось.

Дарсия Давенпорт

У Дарсии, как это с ней частенько случалось, в ответственный день начали трястись руки, вот примерно с самого утра и чем дальше, тем хуже. Учитывая, что этими самыми руками еще надо было делать себе лицо и прическу, ситуация начинала обретать легкие черты трагедии. Дарсия как могла пыталась эту напасть превозмогать и с прической даже справилась, соорудив что-то приемлемое, а вот с лицом уже было все плохо. Девушка все была никак не в силах начертить себе одинаковые глаза, рисовала их отчетливо разными и в конце концов вообще плюнула и стерла, рассудив, что лучше ограничиться только тушью на ресницах, чем необратимо сделать себя похожей на панду от размазанной по лицу косметики и красоваться в таком виде.

Хорошо, что хоть с платьем в этот день не было проблем, оно смирно висело себе на вешалке, дожидалось своего часа, застегнулось с первого раза и все такое прочее. Ну хоть кто-то себя прилично вел.

Уже только в храме Дарсия поняла, что далеко не в полной мере представляла

себе, как будет проходить свадебная церемония. Общей торжественностью и серьезностью атмосферы девушку слегка придавило. Дарсия пока не ощущала себя неловко или испуганно, но уже чувствовала, что она здесь несколько не на своем месте. Поэтому она старалась держаться поближе к Маргарите, как к выглядящей более спокойной и отчасти заражающей своим спокойствием. Когда же наконец появилась Яреци, Дарси едва не заработала косоглазие, пытаясь одновременно успеть взглядом всюду, смотреть разом и на подругу, и на Мотидзуки-сана - она, скорее всего, в первый и последний раз видела обоих такими светящимися от счастья и такими безупречно красивыми. Какое там "как в кино", кино и рядом не стояло.

Путеводная Нить

Музыка стихла, и из ризницы вышел епископ Филипп де ла Асенсьон, облаченный в одежду белого цвета, предназначенную, в том числе, для церемонии бракосочетания. Завершала образ стола - длинная широкая лента с вышитыми на концах и посередине крестами, которая была надета на шею и свисала почти до колен. Мужчина окинул присутствующих взглядом и жестом руки попросил их сесть.

Обычно перед церемонией бракосочетания следует свадебная месса, которую брачующиеся слушают сидя на специальных скамейках с подставками для ног, чтобы молиться. Стояли только два человека - священник и главный свидетель. Филипп посмотрел на брачующихся и начал проводить литургию. Конечно, из-за присутствия большего числа приверженцев другой религии можно было не проводить данное таинство, но мужчина никогда не отклонялся от канонов Церкви, которой служил тридцать лет. Он знал, что многое будет непонятно приглашенным гостям, но думал, что, если что-то будет кому-то интересно, то можно будет рассказать. Нет, католическая Церковь не вербует новых прихожан, как это может показаться сначала. Католическая Церковь, в отличие от Православной, разрешает браки людей разных религий. Единственное условие - ребенок должен расти в католической вере. И, разумеется, Католическая Церковь выступает против развенчания. Но это уже другая история.

Таинство брака совершается во время Свадебной мессы. Сначала идет Литургия Слова, где была прочтена проповедь. После Литургии Слова начался обряд венчания. Филипп посмотрел сначала на жениха, потом на невесту.

- Возлюбленные Тору и Яреци, вы выслушали Слово Божие, напомнившее вам о значении человеческой любви и супружества. Теперь от имени святой Церкви я желаю испытать ваши намерения.

Он на секунду замолчал и снова посмотрел на молодых.

- Тору и Яреци, имеете ли вы добровольное и искреннее желание соединиться друг с другом узами супружества?

- Имеете ли вы намерение хранить верность друг другу в здравии и болезни, в счастье и несчастье, до конца своей жизни?

- Имеете ли вы намерение с любовью принимать детей, которых пошлёт вам Бог, и

воспитывать их в христианской вере?

Тору Мотидзуки

Тору неплохо разбирался в истории мировых религий, но принимал участие в католическом ритуале впервые, поскольку никогда особенно не интересовался практической стороной вопроса. И ему сразу повезло попасть на столь масштабное и поражающее своей торжественностью действие, как венчание. И пусть он не понимал и половины из происходящего, был предельно сосредоточен, внимательно слушая священника и стараясь вынести для себя самое важное. И, одновременно с этим, пытаясь серьезностью своего отношения компенсировать возможное некорректное поведение пары своих родственников вроде Фуэми или думающего о чем-то своем и чуть ли не зевающего Шотаро.

Но вот Литургия Слова закончилась, и священник перешел к одному из самых ожидаемых им моментов - вопросам, проясняющим готовность супружеской пары быть вместе на протяжении всей своей жизни. И на первый из них, Тору ответил сразу, как ему предоставили такую возможность:

- Да.

Именно это желание он имел и год назад, когда решил оформить их отношения официально, и на настоящий момент, называя Яреци своей женой уже не перед законом, а перед высшими силами. Он не боялся их мелких ссор и недопонимания и, после последних событий, перестал нервничать из-за огромной разницы в возрасте, понимая, насколько все незначительно по сравнению с возможностью быть рядом с любимой женщиной, сколько бы времени вместе им не было отведено.

Со вторым вопросом проблем тоже не возникло. После появления в его жизни Яри он стал иначе смотреть на других женщин, чувствуя, что те никогда не смогут подарить ему то, что смогла эта юная девочка, на его глазах повзрослевшая и ставшая супругой и матерью его ребенка. И Тору даже представить себе не мог, чтобы возникли какие-то причины достаточные для того, чтобы предать Яреци или оставить ее без заботы или поддержки, поэтому и здесь без колебания ответил:

- Да.

А вот к третьему вопросу у него возникла одна небольшая претензия. Конечно, Тору был готов с любовью принимать их детей, как это случилось с Кимико, хоть ее появление они изначально и не планировали, но вот на счет воспитания в христианской вере, он бы не был так категоричен. Учитывая, что все родственники их возможных детей по отцовской линии, включая самого отца, были синтоистами с ощутимым налетом буддизма, то успех воспитания детей в католической вере на данный момент виделся ему чем-то сомнительным. Но, конечно, озвучивать свои мысли Тору не стал, ограничившись коротким, но емким:

- Да.

Яреци Фернандез

Лицо закрывала фата, и сквозь неё было не очень хорошо видно. Но она видела

счастливого лица Тору, счастливым оно, наверное, было в тот момент, когда она сказала ему, что малышка родилась здоровой. Но тогда, наверное, оно было не таким счастливым, как сейчас, и это понимание, что она смогла сделать этого загадочного человека с непростым характером и судьбой самым счастливым, грело её душу. Поэтому, когда папа переложил её ручку в ладонь Тору, она счастливо улыбнулась. Тору откинул фату и прямо сразу хотел её поцеловать. Откуда-то со стороны слышались смешки, и она была уверена, что это прозвучало из уст его среднего брата. Но ей сейчас было всё равно. Она была счастлива, он был счастлив. И это было самым главным.

Потом священник начал проводить Мессу. Читал какую-то проповедь, приводил цитаты из Библии, и она слушала внимательно. На проповедях она ещё ни разу не была, а со всей этой историей со сборами, разговорами и подготовкой к церемонии времени не хватало. А в сутках ведь так и осталось двадцать четыре часа. И ни минутой больше.

После первой части Мессы начался обряд венчания. Они встали со скамьи. Епископ обвёл их взглядом и начал произносить свою речь. По традиции на каждый вопрос сначала должен был отвечать жених, только потом невеста. Они не нарушили эту традицию.

На первый вопрос был однозначный ответ. Она раньше боялась, что это всего лишь сказка, но со временем оказалось, что сказка стала реальностью и жизнью. Она любила Тору, она не хотела даже думать о том, что когда-то давно, думая, что всего лишь привязана к нему, позволила себе порвать его портрет и влюбиться в одноклассника. Этот порванный портрет сейчас всплыл перед её глазами, и он оказался настолько реальным, что она слабо восторгалась. Но, услышав твёрдый ответ Тору, сглотнула и тоже ответила:
- Да.

И пусть это получилось неуверенно, но это было правдой. Она искренне хотела быть его женой. Возможно, не родись бы Кимико, всё было бы иначе, но она была уверена, что сценарий развития событий на таинстве венчания был примерно такой же. Только через какое-то время.

На второй вопрос она без колебаний ответила:
- Да.

Она его уже чуть не потеряла, она не хотела, чтобы что-то подобное в его жизни повторилось. Она знала, что из-за большой разницы в их возрасте у Тору могут начаться проблемы со здоровьем несколько раньше, чем у неё. Но если человек радуется жизни, любит, чувствует, то он может и долго-долго заниматься своим делом. Она пока не представляла Тору глубоким стариком, немощным и беспомощным. Она и не будет представлять его. Но она знает, что никогда не бросит его. Она поклялась, что будет оберегать его, но пусть эта клятва не имеет никакой силы, она никогда не нарушит её, пока это будет в её силах.

А вот на третий вопрос уже Тору стал немного колебаться. Она вспомнила слова его матери, что не стоит растить из девочки японку. Она уже при всём желании не будет японкой, так как в ней течёт и мексиканская кровь. К тому же в Японии их никто не

ждёт, и если девушка и может как-то там работать, то с работой Тору в этой стране есть определённые проблемы. А возвращаться в семейный бизнес он не будет. Значит, жить они будут не в Японии, а где-то ещё. В Китае буддизм, с синтоизмом есть немного общего, но не так, чтобы очень много. В других странах основная религия - христианство.

Но ведь если она ответит "нет", то всё закончится. А если она скажет "да", то они обвенчаются, будут жить долго и счастливо. Вот только Тору почему-то молчит, и это стало нагонять на неё панику. Сейчас он откажется, все разойдутся, и всё закончится. Зачем она вообще уговорила его на это?

Но вот Тору ответил "да", и его твёрдое решение заставило её настроиться на благополучный исход этого мероприятия. Наверное, это было эгоистично с её стороны, но она, заметив взгляд священника, обращённый на неё, кивнула и как можно твёрдым тоном сказала:

- Да.

Путеводная Нить

Все по-разному слушали Литургию Слова, но Филиппу было всё равно. Главное, что никто не разговаривал и не мешал, сохранял спокойствие. Когда он перешёл к таинству, то, задавая вопрос, внимательно следил за эмоциями на лице брачующихся. У этих людей с эмоциями всё было в порядке. И девушка, и мужчина сомневались, но их ответы были искренними. Он даже удивился, потому как нечасто бывает такая искренность, как была у них. Сам де ла Асенсьон прекрасно знал, что люди всегда во всём сомневаются, и перед тем как дать ответ, долго думают. Тору и Яреци тоже думали, вероятно вспоминали что-то из своих прожитых моментов.

А вот с последним вопросом, как оказалось, было всё не так однозначно. Но это условие Церкви, его оспаривать нельзя. Можно, конечно, подать запрос Папе в Ватикан, но это бесполезно. Хотя везде бывают исключения, но вряд ли в этом случае он даст положительный ответ. Хотя не крестить ребёнка никто не запрещает.

Когда брачующиеся ответили на все вопросы, можно продолжить Мессу. Теперь надо пропеть гимн к Святому Духу, прося Духа Правды и Освятителя о дарах и благодати в браке. Этот гимн исполняется стоя, поэтому Филипп подождал, когда все встанут, бросил взгляд на маленькую девочку, которая взяла в ручки край белой ленты, которая была прикреплена к храмовой скамье. Кивнул министрату*, чтобы он раздал специальные буклетики с текстом гимна, и, когда всё было выполнено, кивнул хористам, что пора начинать.

Множество голосов озарило стены и своды храма, звуки разбивались о потолок на тысячи и миллионы красивых капелек, что создавало очень красивую и удивительную атмосферу, а для присутствующих на таком мероприятии первый раз в жизни - сказочность.

Гимн звучал пять минут, и потом епископ попросил всех собравшихся, кроме брачующихся, сесть на места. Попросил брачующихся встать лицом друг к другу, взяться за правые руки, а министрата попросил их связать столой. Когда все формальности были выполнены, он продолжил службу.

- Сейчас вы дадите друг другу клятвы в верности, - сказал он и кивнул жениху, чтобы тот повторял:

- Я, Тору, беру тебя, Яреци, в жёны и обещаю тебе хранить верность в счастии и несчастьи, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

Потом должна говорить невеста.

**Министрат - мирянин, прислуживающий священнику во время Мессы и иных богослужений*

Тору Мотидзуки

Пусть Тору и достаточно скептически относился к пышным и, в его понимании, избыточным ритуалам, он признавал, что все происходящее очень и очень впечатляло. Особенно людей вроде него самого, которые сталкивались с обрядом во всей его полноте и красоте впервые. Да, Тору не раз видел что-то подобное в фильмах и слышал записи церковного хорового пения, но все это не могло передать и половину торжественности действия, частью которого ему сегодня довелось стать.

Но все убранство церкви, все гости и свидетели, да и даже сам священник отошли на второй план, когда он встал и повернулся, чтобы посмотреть в глаза Яреци, которые светились любовью и счастьем. И мысленно Тору пообещал себе сделать все, чтобы слезы появлялись в них как можно реже и уж точно не по его вине, поэтому со всей искренностью произнес, вслед за священником, клятву верности:

- Я, Тору, беру тебя, Яреци, в жёны и обещаю тебе хранить верность в счастии и несчастьи, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

Их не очень длинная, но насыщенная событиями совместная история уже успела включить в себя счастье и несчастье, болезни и здравие, но, с того момента, как он впервые осознал, что молоденькая забавная мексиканка поселилась в его сердце, он не переставал ее любить и не сомневался в том, что с годами это никак не изменится, позволяя ему сдержать данную сейчас клятву.

Яреци Фернандез

Когда стали петь гимн к Святому Духу, уголки губ девушки растянулись в улыбке. Она повернула голову и встретилась с папой взглядом. Потом посмотрела на дядю Рикардо, который недовольно бубнил себе под нос этот гимн. С японской стороны все молчали, но прихожане, присутствующие на этом мероприятии, синхронно произносили слова, заполняя пространство этого храма голосами.

Теперь наступил самый главный, торжественный и волнительный момент этого таинства - произнесение клятвы. Девушка повернулась лицом к Тору и вложила свою изящную ладонь в его руку. Когда их руки были перевязаны тканью, она

посмотрела в его глаза и стала слушать его клятву. Голос священника был не так важен, сейчас все ее внимание было отдано голосу любимого мужчины. Он говорил очень искренне, это было видно. Он не побоялся произносить слова клятвы перед ее Богом, не имея к Нему никакого отношения. Он не собирался становиться христианином, он продолжал быть синтоистом, но он не был против того, чтобы сыграть свадьбу по чужому обычаю. И это, наверное, придавало всему этому таинству какую-то сказку.

Выслушав его клятву и слабо сжав его руку, она дала свою клятву. Нежно, искренне и как можно более уверенно, но голос слабо дрожал от нахлынувших чувств и эмоций.

- Я, Яреци, беру тебя, Тору, в мужа, и обещаю тебе хранить верность в счастье и несчастье, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя во все дни жизни моей.

Она смотрела в его глаза, потом заскользила по его лицу, на котором не было тех суровых морщин, которые были раньше. Она верила, что смогла ему подарить маленький островочек надёжности, стабильности и счастья в необъятном океане житейских проблем...

Путеводная Нить

Таинство брака свершилось. Венчание произошло перед Христом и перед общиной Церкви.

- Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключённый вами супружеский союз я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, - произнес епископ, и паства произнесла "Аминь".

Министрат снял столу с рук молодожёнов и подошёл к главному свидетелю, чтобы забрать у него кольца. Рикардо отдал ему кольца и посмотрел на свою племянницу, а потом кинул взгляд на Морриса. Тот внимательно следил за торжеством, его роль была закончена, а ему, Рикардо, придётся снова повторять всё это. И также участвовать в песнопении, читать молитвы, произносить молитву Верных, потому что не только молодожёны произносят эту молитву, но все собравшиеся. Он проследил за тем, как епископ де ла Асенсьон благословил кольца, и, снова посмотрев на Морриса, взял специальную подушечку, на которой лежали кольца, и подошёл к молодожёнам. Протянул подушечку Тору, чтобы тот надел на палец своей любимой колечко. Он был уверен, что ни Тору, ни Яреци не знают точные слова, которые нужно произносить, поэтому счёл своим долгом прошептать их на ухо мужчине, чем заслужил недовольный взгляд епископа.

- Скажешь ей "Яреци, прими это кольцо в знак моей верности и любви - во имя Отца, Сына и Святого духа", после этого надень кольцо.

Те же самые наставления он дал Яреци, когда Тору надел на её палец кольцо.

Когда все формальности были соблюдены, мужчина вернулся на свое место и снова убрал руки за спину. Сейчас продолжится Месса, самое скучное мероприятие, но

ему нужно выстоять всё, потом будет проще. И ведь нельзя ни закрыть глаза, ни зевнуть - это некультурно.

Тору Мотидзуки

И вот клятвы были произнесены, и приблизился момент, когда они должны были обменяться кольцами. И тут, конечно, тоже не обошлось без ритуала. Сначала священник благословил кольца, а затем дядя Яреци поднес их на подушечке и предложил ему надеть кольцо Яреци на палец. В первый момент Тору почувствовал некоторую растерянность, поскольку казалось бы такое простое действие он боялся исполнить неправильно и расстроить жену, переживающую из-за любых мелочей. Но здесь на помощь ему пришел Рикардо, прошептав, что при этом нужно говорить и, тем самым, уменьшив волнение раза в полтора, за что он был ему очень благодарен.

- Яреци, прими это кольцо в знак моей верности и любви - во имя Отца, Сына и Святого духа". - Тору, осторожно надел кольцо на палец любимой женщины и буквально на несколько секунд придержал ее тонкие пальчики, показывая, как много для него значат этот момент и эта возможность подарить ей брачную церемонию, о которой она всегда мечтала. И пусть его семья была немного удивлена желанием устроить все в католических традициях, никто не высказался против, оказав всяческую помощь в организации большого праздника, который можно было бы назвать семейным из-за обилия родственников и наличия всего лишь двух девушек не относящихся ни к семье Мотидзуки, ни к немногочисленной мексиканской родне.

Яреци Фернандес

Таинство брака подошло к концу. Теперь они по всем законам считались мужем и женой. Осталось только соблюсти небольшую формальность и обменяться кольцами. Девушка посмотрела на дядю, который будто в замедленной съемке поднес им кольца.

Тору надел на ее палец кольцо, произнес очередные слова, и она заглянула в его глаза. Он все слова говорил искренне, в них не было даже небольшой доли сожаления, какого-то смущения. Пусть ему было многое непонятно, но, тем не менее, главная часть этой церемонии получилась очень красивой и правильной. Она слабо улыбнулась, и дядя подошёл к ней и протянул ей подушечку, на которой лежало кольцо. Она слегка дрожащей рукой взяла кольцо и посмотрела на дядю, который кивнул и улыбнулся, а потом подмигнул, и вернулась к Тору. Любимый смотрел на неё, и она, собравшись с мыслями, взяла его за руку.

- Тору, прими это кольцо в знак моей верности - во имя Отца, Сына и Святого Духа, - хриплым от волнения голосом произнесла она и надела кольцо на палец мужа. После этого она почувствовала какое-то облегчение и улыбнулась, глядя на него. Теперь осталось дослушать Мессу, чем она и занялась, снова опустившись на специальную скамейку и взяв мужа за руку. Поймала на себе недовольный взгляд священника, но руку с ладони своего мужа не убрала. Наверное, так делать было нельзя.

Маргарита Эрнандес

Маргарита давно не была в католическом храме, поэтому все происходящее постепенно начало погружать ее в те далекие времена, когда она, тогда еще четырнадцатилетняя девочка, благодаря своей набожной приемной матери, впервые столкнулась со странным, но впечатляющим миром католических ритуалов. И теперь, вся окружающая ее обстановка и ровный уверенный голос священника переносили ее в далекую Испанию, рождая перед глазами яркие образы беззаботной юности.

Вот ухо прорезал звон гитары ее приятеля Винченцо, чья испано-итальянская страстность натуры заставляла струны летать под его пальцами, вот перед глазами мелькнула пышная юбка танцовщицы фламенко, а вот в нос ударил запах свежего хлеба из пекарни недалеко от ее дома. А потом раздался смех... Красивый, бархатистый, так плохо сочетающийся с печальными темными глазами, обрамленными небольшими возрастными морщинками...

Маргарита встряхнула головой, чтобы вернуться в реальность и отругала себя за то, что чуть не пропустила самые важные моменты церемонии. Сейчас она была не в Вальядолиде, а здесь, в Японии и пришла в эту церковь разделить радость друзей, решивших дать клятвы всегда быть вместе. И, слушая их искренние обещания разделить одну большую жизнь на двоих, Рита улыбалась, стараясь прогнать непрощенные мысли и просто пожелать счастья тем, кто боролся за свое право быть счастливым и смог, справившись со своими страхами и непониманием со стороны окружающих, отстоять свое право быть с любимым человеком.

Путеводная Нить

Когда Шотаро соглашался стать свидетелем, он и представить не мог, сколько времени ему придется маяться от скуки, слушая то, что не имело для него особой ценности. По его мнению, можно было ограничиться пятиминутным вступительным словом, потом перейти к клятвам и кольцам и всем радостно разойтись по своим делам. Ну или не по делам, поскольку на работу его никто отпускать не собирался, а на праздничный банкет или что там было запланировано.

Конечно, Шотаро оценил внешний вид невесты, который был выше всяких похвал и делал ее похожей на женщину, а не на девочку. Да и младший брат в честь такого события превратился в нормального человека, способного улыбаться и не провоцировать на ссоры окружающих. И, каким бы диким это не казалось, ему даже подумалось, что они вполне подходят друг другу, несмотря на ряд имеющихся у него к женской половине этой пары вопросов. Но, это не отменяло того факта, что делать все можно было и побыстрее. А уж когда Тору начал медленно и с чувством надевать на палец жены кольцо, так Шо и вовсе с трудом подавил желание вырвать символ брачного союза у него из руки и показать, как это должны делать нормальные люди.

И вот, наконец, кольца были надеты, и он уже начал было предвкушать окончание сего занятого мероприятия, но священник почему-то не торопился это сделать, вызывая у него желание застонать в голос. Ища поддержки, Шотаро бросил взгляд на Мизуки и с удивлением обнаружил, что церемония ей очень нравится, по крайней мере, на ее лице отражалась полная удовлетворенность происходящим. Но сам он не был впечатлительной особой женского пола, поэтому предпочел бы сейчас

посидеть за бутылочкой крепкого или заняться делами, которые, как известно, не могли делать себя сами.

Моррис Фернандес

С тех пор как Моррис проводил свою дочь к алтарю, прошло много времени. Он слушал привычную Мессу, слышал привычные слова клятвы в верности, но почему-то вместо радости в его душе были неприятные воспоминания. Он унесся на двадцать один год назад, в то время, когда сам ждал у алтаря свою любимую. В глазах ее отца не было счастья, лишь ненависть. В ее глазах читалось смятение и недоверие. Возможно, не уговори он ее тогда совершить таинство брака, ничего бы этого не было. Это было желание ее родителей, чтобы она обручилась с мужем в Церкви. Это было его желание произносить слова клятвы перед Богом, но это не было ее желанием. Возможно, он поторопился, заставив ее пойти на это.

Когда паства запела гимн, он понял, что сам он тихо напевает эти слова. Мотнул головой и посмотрел на счастливых детей. Они были счастливы, любимы друг другом, они прошли много испытаний. Они не перестали любить. И он уверен, что они никогда не перестанут друг друга любить. Потому что только любящий человек может согласиться пройти этот обряд по другому обычаю, отличному от своего.

Рикардо снова подавал кольца, и почти ничего не поменялось - время неподвластно только над традициями этой церемонии. Рикардо держался молодцом, и в его образе почти ничего не поменялось, только в волосах проступила седина. Движения шурина были как всегда уверенны, точны. И только эмоции были другие. Сейчас была усталость, но глаза светились счастьем, он был рад за свою любимую племянницу. В то время он сильно переживал за сестру, а траур по любимой женщине только прошел.

Но эти неприятные мысли и воспоминания никак не могли убрать хорошее настроение и ощущение счастья, которое ему подарило это мероприятие. Он был счастлив. Потому что они были счастливы - его любимая дочка Яреци и японец Тору, которого он теперь был вправе называть сыном...

Джун Мотидзуки

Джун впервые находился в католическом храме, и ему было интересно все, что там происходило. Церемония, несмотря на прочитанные книги и просмотренные фильмы, сильно отличалась от того, что он представлял, но не производила из-за этого меньшее впечатление. Общая торжественность поражала, а счастье дяди и его молодой жены словно освещало всю округу, заставляя даже отца, что неплохо читалось по его лицу, увериться в искренности их чувств.

Глядя на полные любви взгляды и нежные прикосновения супругов друг к другу, Джун окончательно уверился в необходимости продолжить свое обучение в монастыре. Сейчас у него появилась прекрасная возможность убедиться в том, как одно простое действие может изменить всю человеческую жизнь, и он намеревался сделать все, чтобы подобных счастливых моментов, благодаря его способностям становилось все больше. Ведь сложись ситуация немного иначе, ничего этого сейчас могло бы и не быть: ни красивой церемонии, ни счастливых улыбок, ни самого дяди, долгое время, из-за своей вольной жизни, казавшегося ему чем-то

вроде символа свободы. Но мысли о подобном варианте развития событий Джун старательно от себя прогонял, стараясь просто получать удовольствие от красивой картины происходящего, позволившего всей их семье собраться вместе после длительного перерыва.

Путеводная Нить

Когда около года назад в дом их семьи вернулся младший сын, приведя с собой невесту, Чиико и представить не могла, что через год окажется на венчании в католическом храме, после того, как сама поспособствует свадьбе Тору и девочки, годящейся ему в дочери. Но судьба решила все по-своему, превратив девочку в достойную женщину и мать ее первой и пока единственной внучки, за что Чиико, вновь получившая возможность собрать всю свою большую семью вместе, была ей очень благодарна.

Она мало что понимала в католических обрядах, поэтому больше смотрела на счастливые лица сына и его жены. В свадебном костюме Тору был еще сильнее похож на Рэна, чем всегда. На мгновение Чиико даже показалось, что муж вернулся и снова пришел занять законное место среди своих родных, и пусть наваждение быстро прошло, она на протяжении всей церемонии ощущала присутствие рядом Рэна, который, наверняка, хотел бы поздравить своего блудного сына, который, наконец, вернулся домой и сделал их семью еще больше и прекраснее, чем раньше, за счет двух появления в ней двух очаровательных девочек.

Искренняя любовь, отражающаяся на лицах детей, не заметить которую мог разве что слепой, вызывала на губах суровой женщины, привыкшей принимать непростые решения, улыбку. Сейчас она чувствовала себя так, словно скинула лет шестьдесят и забыла обо всех многочисленных вопросах, которые ей следовало решить в ближайшее время, превратившись в молодую и беззаботную девушку способную без каких-либо "но" радоваться за дорогих ей людей, создавших свою маленькую семью, ставшую частью большой и очень любимой ей семьи Мотидзуки.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши был в католическом храме лишь один раз, когда, выполняя поручение отца, долго стоял в пробке. Потом ему надоело стоять в пробке, он вышел из автобуса и направился пешком. Проходя мимо храма, кажется, даже этого, он услышал дивную мелодию. Зашёл на звук и стал слушать. Тогда он впервые в жизни услышал орган, и этот музыкальный инструмент ему очень понравился. После того случая, который произошёл лет шесть, а может и больше назад, он не слышал орган и не посещал храм.

Поэтому сейчас ему было интересно. Снова играла органная музыка, она обволакивала и успокаивала. А может быть, успокаивало что-то другое, сама атмосфера, царящая в храме. Он внимательно следил за всем происходящим, ему было очень интересно. Он сидел по другую руку от Мизуки и иногда поглядывал на мать и сестрёнку, которая любопытно вертела своей ещё большой относительно туловища головой и иногда улыбалась беззубым ротиком. Иногда он смотрел на отца, которого попросили быть свидетелем, что было странно, что его вообще попросили, но более странным было, что он согласился. Но по скучающему выражению лица он понял, что тому лучше сидеть с отчётами и финансовой

волокитой, чем стоять здесь.

Дядя и его жена выглядели очень счастливо, и даже на лице бабушки он увидел улыбку, что было очень неожиданно, так как она редко улыбалась, а после смерти деда она стала улыбаться ещё реже. В какой-то момент он положил ладонь на руку Мизуки, которая что-то шептала Кимико на ухо, и легонько её сжал. Это было неосознанное действие, и он лишь смущенно опустил глаза, когда она на него вопросительно посмотрела. Но нежно так, с улыбкой понимающей и любящей женщины и матери. А он после этого старался больше не смотреть на неё, а предпочёл следить за церемонией...

Дарсия Давенпорт

Несмотря на то, что церемония была очень красивой и торжественной, и придавала бракосочетанию особенную, возвышенную значимость, Дарсия на протяжении всей церемонии стояла с рядом с Маргаритой, неуютно сжимая колени, и со стыдом думала о том, что это все прекрасно и восхитительно, но как-то немножко чересчур. Возможно, из-за того, что в их семье тема религии никогда толком не затрагивалась, Дарсия сейчас многого не понимала. Но среди всей церемонной торжественности ей невольно казалось: лишний раз любопытным взглядом никуда скользнуть нельзя, потому что немедленно укажут обличающим перстом и обвинят в неуважении.

Конечно, главным сейчас было далеко не это, не все вот эти смутные переживания Дарсии. Девушка смотрела на сияющее, словно светящееся изнутри лицо Яреци и понимала, что ее подруга сейчас совершенно точно счастлива. Потом Дарсия осторожно, украдкой косилась на Мотидзуки-сана - вдруг во время церемонии нельзя чересчур пристально разглядывать чужого мужа? - и понимала, что Мотидзуки-сан счастлив еще явственнее, еще полнее и шире. И, конечно, именно это и было главным, именно ради этого все и начиналось, ради этого невыразимого счастья.

Что, впрочем, ничуть не помешало Дарсии тихонько и стыдливо решить про себя, что одной такой торжественной церемонии ей в жизни хватит. Что ее собственная свадьба - а она непременно состоится, и Дарсия твердо знала, кого она в такой день хочет видеть рядом с собой - пройдет как-нибудь скромнее и проще. Эта церемония ничуть не хуже, нет, но своей торжественностью она Дарсию слегка давила, и проникнуться красотой и значимостью происходящего в полной мере все никак не получалось.

Путеводная Нить

Двадцать один год назад Рикардо также стоял у алтаря и слушал почти такую же церемонию бракосочетания, только тогда, в отличие от сегодняшнего дня, в воздухе храма витало напряжение и раздражение. И самым раздражённым человеком был отец, который, хоть и смирился с тем, что любимая дочь выходит замуж за какого-то повара из бедной семьи, не мог принять этого. Ещё и мать подливала масла в огонь. У Морриса в тот день не было родственников, так как родители не смогли приехать. Моррис тогда старался сохранять самообладание, но Рикардо помнил, как он нервничал, когда Лаура очень долго не появлялась. Все многочисленные знакомые и друзья семьи начали перешёптываться, в какой-то момент ему казалось, что церемония сожет сорваться. Но нет. Вошла Лаура, а потом всё случилось по канону.

Сейчас было интересно и красиво. Он верил, что племянница и её муж

действительно искренне любят друг друга и не будут из-за какого-нибудь пустяка отказываться друг от друга. Он улыбнулся племяннице, потом посмотрел на Тору, кивнул ему и перевёл взгляд на Морриса, которого, кажется, тоже начали мучить какие-то призраки прошлого. Ну ничего, это дело поправимо, скоро это нудятина закончится, он поклянётся, что никогда больше не будет выполнять данную роль, да и вроде некого отправлять венчаться из родных и близких друзей. Поэтому можно будет просто напиться, чтобы как-то разбавить тоску. Хорошо, что всю партию текилы и хереса пропустили...

Путеводная Нить

Церемония бракосочетания подошла к концу, и епископ Филипп, выдержав небольшую паузу, продолжил службу. Теперь оставалось дать особое благословение молодожёнам, прочитать вместе с паствой молитву "Отче Наш" и поблагодарить всех присутствующих за мероприятие. Взгляд его скользнул по счастливым лицам молодожёнов, по свидетелям, остановился на светловолосо девушке в красивом платье, которая была подружкой невесты, и слегка улыбнулся, заметив её смущение всем происходящим. Да, наверное в этом и была вся прелесть канонической церкви. Много всего странного, непонятного, что-то даже казалось неправильным простым людям, которые к религии не имеют никакого отношения. Потом взгляд заскользил дальше, и он посмотрел на маленькую девочку, которая с чем-то игралась. Он слегка покачал головой, а потом повернул голову и посмотрел на сеньора Агирре. Тот делал вид, что его всё устраивает, и он, снова посмотрев на молодожёнов, продолжил службу, которая закончилась минут через двадцать. Следом он дал особое благословение молодожёнам и, кивнув министрату, направился в ризницу.

Тору Мотидзуки

Церемония Тору понравилась, но, на его взгляд, она все же немного затянулась. Он уже успел несколько раз проникнуться торжественностью всего происходящего, восхититься красотой своей жены и пообещать себе всегда быть с ней рядом и оберегать от любых невзгод. А священник все продолжал, оттягивая тот момент, когда ему можно будет обнять и поцеловать Яреци, подтверждая тот замечательный факт, что теперь она уже точно от него никуда не денется, поскольку теперь они женаты по всем возможным законам.

Конец же всего происходящего и вовсе выбил Тору из колеи. Священник их благословил, поблагодарил всех присутствующих и просто ушел, оставив после себя ощущение некой незавершенности. И вот с этим он уже никак не мог мириться, крепко взяв жену за руку и быстрым шагом направившись к выходу из церкви. Он совершенно не помнил, когда должны были выходить молодожены, но сейчас это его не волновало, как и то, что своей суетой он нарушает торжественность момента. Тору даже не боялся возмущений со стороны Яреци, которая уже должна была привыкнуть к его характеру, и раз была готова окончательно связать с ним свою судьбу, вероятно, не сильно переживала из-за подобных вольностей с его стороны.

За пределами церкви они оказались раньше гостей, так что Тору, наконец, смог отвести душу и наброситься на Яреци с поцелуями. Конечно, он и так мог поцеловать ее в любой момент, но сейчас все было немного иначе из-за общего контекста, да и девушка была совершенно неотразима, заставляя чувствовать

гордость за возможность называть ее своей женой.

- Люблю тебя, - прошептал он, отрываясь от поцелуев. - Спасибо, что появилась в моей жизни и решила в ней остаться, подарив мне нашу малышку Кимико. Давай любить и ценить друг друга, чтобы ни случилось.

Он улыбнулся и крепко обнял свою любимую женщину, искренне надеясь, что все самое тяжелое осталось для них позади, и они больше никогда не столкнутся с опасностью потерять друг друга или их маленькое, но такое важное семейное счастье.

Яреци Фернандез

Церемония подходила к концу, но, кажется, этого конца и края никак не было. Девушка слушала Литургию, пыталась читать молитву "Отче Наш", которая являлась, наверное, самой главной молитвой любого христианина. Она иногда смотрела на Тору, которому, кажется, под конец начинало становиться скучно, и грустно вздыхала. Ей тоже становилось скучно, но она решила провести всё по канону Римско-Католической Церкви, и это было бы правильно, если бы они не были в Японии. Но она не знала, как должно быть правильно в их случае. Они расписались почти полтора года назад. Просто Тору привёз её в нужное место, они на каких-то бумажках поставили свои подписи и стали считаться мужем и женой. Потому что это было нужно... для чего это было нужно она совершенно не помнила, но сейчас это было неважно. Потому что что-то ей подсказывало, что, не будь того формального заключения брака, сейчас бы не было бы ни Кимико, ни этого мероприятия, ни возможного воссоединения семейства. Кто знает - было бы тогда ранение Тору, появился бы Джун в монастыре... поссорилась бы она с мамой.

Она мотнула головой и увидела, как дядя Рикардо смотрит на неё, слабо улыбнулась на его улыбку, а потом с радостью заметила, что священник их благословил и покинул зал храма. Поднимаясь со скамьи, она бросила взгляд на распятие. Почему-то в этот раз она слишком отчётливо увидела его лицо, искореженное болью, и внутренне содрогнулась, будто сама почувствовала боль. Наверное, это была какая-то магия.

Тору взял её за руку, и они ушли. Слишком быстро и шумно, что могло быть неправильно. Но девушка почувствовала острую необходимость вдохнуть свежий воздух и услышать шум машин, который здесь почему-то слышен не был. Наверное, это тоже магия этих храмов.

- Я люблю тебя, - ответила она, отрываясь от поцелуев, - Я очень сильно люблю тебя и благодарна тебе, что ты принимал меня такой, какая я есть. Спасибо тебе, мой любимый. Я... Я сделаю всё возможное, чтобы ты никогда не страдал и был счастлив...
